

© 2012 г. И.А. БАХМУТОВА

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРНОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ-МЕННОНИТОВ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматривается вариант литературного немецкого языка, используемого российскими немцами-меннонитами Омской области, в частности особенности фонетики и лексики. Цель статьи – уточнить представленные в исследовательской литературе данные о положении литературного немецкого языка в сообществах российских немцев.

В работах, посвященных языку российских немцев, основное внимание традиционно уделялось структурному описанию диалектов (см. обзор в работе [Berend, Jedig 1991]). Литературный немецкий язык находился скорее на периферии исследовательского интереса и обычно попадал в поле внимания ученых только в связи с практическими задачами его преподавания. Наиболее известной работой этого направления является работа А. Штрёма [Ström 1928]. Рассматривая основной вопрос (как обучать «правильному» немецкому языку), автор уделяет внимание диалектной интерференции, наблюдаемой в литературном немецком языке российских немцев. Этот материал используется последующими исследователями как один из основных источников сведений о том, что представлял собой этот языковой вариант в довоенное время [Berend 1998: 12–17].

В работах, обращенных – с большей или меньшей степенью подробности – к бытованию литературного немецкого языка у российских немцев в послевоенное время, литературный немецкий язык также чаще всего соотносился со школьной сферой (соответственно, вопрос сводился к общей характеристике уровня преподавания литературного немецкого языка российским немцам в школе); в случае меннонитов отмечалось также и использование этого языка в различном объеме в церковной сфере [Nieuweboer 1998: 191; Москалюк 2003: 49–51].

Вследствие этого в специальной литературе в общем и целом преобладает мнение о незначительной роли литературного немецкого языка в сообществах российских немцев. С одной стороны, как специально указывает часть авторов, и в довоенное, и в послевоенное время этот язык не был связан у российских немцев с приватной сферой [Berend 1998: 13]. С другой стороны, со второй половины 1930-х гг. он стал терять и большую часть своих общественных функций (язык администрации, церкви и школы), которые – в разном объеме в различных сообществах российских немцев – были присущи ему прежде.

Кроме того, тотальное изменение языкового ландшафта российских немцев во время Второй мировой войны и в послевоенное время привело к значительному сокращению носителей не только диалектов, но и литературного немецкого языка. Все это – отчасти как объективная характеристика языковой ситуации, отчасти как стереотип исследовательского взгляда – обусловило отсутствие как более или менее подробных лингвистических описаний литературного немецкого языка российских немцев, так и анализа его роли в языковом сообществе.

В настоящей статье мы последовательно охарактеризуем функции литературного немецкого языка в сообществе немцев-меннонитов Омской области и круг его носителей, опишем его лингвистическое своеобразие и отдельно остановимся на том, какие его особенности являются наиболее существенными («ярлыками» этого варианта), с точки зрения его носителей. Затем мы обратимся к восприятию российскими немцами-меннонитами варианта литературного немецкого языка, функционирующего в их сообществе. Последний аспект особенно интересен постольку, поскольку в последние два десятилетия стал возможен активный контакт этого варианта с литературным немецким языком современной Германии.

Статья основывается на материалах экспедиций в меннонитские деревни Омской области, предпринятых автором в 2007 и 2008 гг. Функционирование литературного немецкого языка и представления о нем носителей описываются на основании социолингвистических интервью с членами языкового сообщества. Используется качественный метод анализа, позволяющий получить более детальные сведения о восприятии носителями этого языка и о его значении в языковом сообществе.

Часть этих интервью – вопросы и ответы – проводилась на литературном немецком языке; эти ответы использованы как материал для описания лингвистических особенностей этого варианта.

1. ОБ ИСТОРИИ СООБЩЕСТВА

Российские немцы-меннониты – ветвь одного из религиозных течений, возникших во время Реформации. В XVI веке на севере Нидерландов бывший католический священник Менно Симонс сплотил вокруг себя группу так называемых «перекрещенцев» (анабаптистов), которых позднее стали называть «меннонитами». Спасаясь от «гонений за веру» в Нидерландах, многие меннониты переселились в Западную Пруссию, в устье Вислы (окрестность Данцига), где жили несколько столетий и переняли обиходный диалект местного населения, так называемый *Plautdietsch* (один из восточнонижненемецких диалектов). В конце XVIII-го века меннониты стали переселяться в Российскую империю. Их колонии были основаны сначала на Украине, затем – в других районах страны, в том числе в Западной Сибири (подробнее об истории меннонитов см. [Ипатов 1978; Соколовский 1996]).

Полевые исследования, на материалы которых опирается эта статья, проводились в нескольких деревнях юга Омской области: д. Аполлоновка, д. Петровка и с. Солнцевка Исилькульского р-на, д. Мирлюбовка Москаленского р-на. Это так называемые «старые» немецкие поселения, основанные в начале XX в. переселенцами из Украины; вплоть до конца 1980-х гг. немцы-меннониты составляли в них большинство жителей. Сегодня в этих деревнях, несмотря на значительные миграции второй половины XX в., сохраняются компактные поселения немцев-меннонитов.

2. ФУНКЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА И ЕГО СОВРЕМЕННЫЕ НОСИТЕЛИ

В первой трети XX в. языковая ситуация в сообществах немцев-меннонитов Омской области носила диглоссный характер. Нижненемецкий диалект служил языком семейного и дружеского бытового общения, литературный немецкий язык был языком церкви, школы и делопроизводства. Как язык школы и администрации литературный немецкий язык перестал использоваться в 1930-х гг.

Н. Беренд, описывая использование литературного немецкого языка у российских немцев в послевоенное время, не связывает его с «реальной», домашней сферой жизни, а определяет только как предмет изучения в школе, где он был равен любому другому иностранному языку (вне зависимости от того, изучался немецкий язык как родной язык или как иностранный) [Berend 1998: 25]. Как общая характеристика языковой ситуации у российских немцев в целом это описание верно, однако в рассматриваемой

группе связь литературного немецкого языка с «реальной» жизнью сообщества представляется гораздо более тесной: он широко использовался как язык религиозных собраний, и кроме того, в некоторых семьях был и остается семейным языком.

Основным языком религиозных собраний литературный немецкий язык служил до конца 1980-х – середины 1990-х гг. Церковная жизнь образует стержень повседневной жизни меннонитов¹; молитвенный дом является основным публичным пространством, где члены общин собираются на богослужения, репетиции хора и т. д. как минимум два-три раза в неделю. Это определяло значимое место литературного немецкого языка в рассматриваемом сообществе не только с точки зрения престижа, но и собственно объема его использования: он был неотъемлемой частью языковой ситуации, частью повседневной жизни большей части языкового сообщества. Сегодня регулярные части религиозных собраний на литературном немецком языке сохраняются только в общинах с. Солнцевка. В общинах остальных деревень он используется на собраниях лишь спорадически, чаще всего в том случае, если проповедуют гости из Германии.

Как показывают материалы интервью, члены рассматриваемого сообщества связывают литературный немецкий язык именно с религиозной сферой и противопоставляют освоение этого языка «на собраниях» изучению его в школе. При этом использование литературного немецкого в религиозной сфере осмысливается как область «своего», приватного, используемого «дома»:

Говорить мы научились дома, не в школе. Это мы знаем Hochdeutsch, литературный с собраний, а не из школы (муж., 1960 г. р., Солнцевка)².

Кроме того, в рассматриваемом сообществе литературный немецкий язык в некоторых семьях служил и служит языком семейного общения. Например:

1) В одной из семей с. Солнцевка несколько поколений назад отец (школьный учитель и проповедник) стал говорить с детьми в быту на литературном немецком, а не на обычном для этой сферы нижненемецком диалекте. Мотивировалось это, по-видимому, желанием, чтобы дети лучше освоили литературный немецкий, обладающий престижем и ценностью как язык церкви и школы. В последующих поколениях использование литературного немецкого языка дома сохранилось как семейная традиция. При этом муж с женой говорят друг с другом на нижненемецком диалекте (в случае, если так удобнее одному из супругов, привычным бытовым языком для которого является диалект), с детьми же стараются говорить на литературном немецком языке.

2) Как «домашний» язык литературный немецкий используется и в семьях немецких баптистов, в определенный момент включившихся в сообщество меннонитов. Не ясно, какой язык был традиционным бытовым языком в этих семьях до их включения в меннонитское сообщество: был это какой-либо диалект или идиом, близкий литературному немецкому языку (то есть аналогичный сегодняшнему языку общения в этих семьях). Можно сказать только, что сегодня языковой вариант, который использует и первая из выделенных групп, и вторая (потомки баптистов), обозначаемый сообществом как «литературный язык», един в своих первичных³ (прежде всего фонетических) особенностях.

Члены обеих отмеченных групп, использующие литературный немецкий язык как домашний, обладают в сообществе двойной идентификацией: они считаются «литературными» немцами («Hochdietsche» – так они называют себя сами, так их обозначают

¹ Речь идет о религиозных членах сообщества, т. е. «меннонитах» в изначальном смысле этого слова. Уточнение необходимо постольку, поскольку обозначение «меннонит» одновременно означает сегодня и определенную конфессиональную принадлежность, и принадлежность к особому сообществу, близкому по своему характеру этническому сообществу [Ипатов 1978: 4].

² Имена информантов, чьи слова цитируются в статье, заменены указанием на их пол и возраст и место записи.

³ Мы используем понятия первичных и вторичных признаков в традиции предложившего их В.М. Жирмунского и понимаем первичные признаки как наиболее заметные (в восприятии говорящих и слушающих) отклонения от нормы литературного языка и вторичные – как менее заметные [Жирмунский 1976: 496, 512].

и другие члены сообщества), но не исключаются собственно из группы меннонитов – «платских»⁴ немцев («Plautdietsche»). Часто именно члены этих семей занимали и занимают высокие должности в своих религиозных общинах (одна из общин Солнцевки, община Миролюбовки).

Литературным немецким языком в описываемом сообществе сегодня свободно владеют (способны к свободной монологической речи) люди рождения второй половины 1920-х гг. – те, кто ходил в немецкие школы, закрытые в конце 1930-х гг., а также члены семей, где этот язык был семейным языком общения (в том числе молодежь конца 1980-х – начала 1990-х гг.р.) Члены языкового сообщества 1940-х – 1960-х гг. р., которые застали регулярное использование литературного немецкого языка в церкви, обладают более или менее развитой пассивной компетенцией (могут читать и читают на литературном немецком), уровень их активной компетенции различен.

Можно выделить следующие области использования литературного немецкого языка в описываемых деревнях: чтение книг, проповеди в церкви (ограниченная возможность, поскольку в большинстве общин основным языком собраний стал русский), общение друг с другом в тех семьях, где бытовым языком был литературный немецкий (как правило, это общение между братьями или сестрами старшего поколения, а также между поколениями – например, между дедом и внуками – в тех же семьях). Относительно новая возможность использовать литературный немецкий язык – это общение с молодыми родственниками из Германии, детьми меннонитов-переселенцев из этих деревень, которые владеют стандартным немецким языком или региолектом и не владеют русским языком и нижненемецким диалектом Plautdietsch.

3. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИТЕРАТУРНОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА МЕННОНИТОВ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

3.1. Статус описываемого варианта, используемая терминология

В работе, посвященной языковой адаптации российских немцев в Германии, Н. Беренд, характеризуя языковой репертуар группы до переселения, пишет о возможности рассматривать литературный язык российских немцев в целом как «национальный вариант немецкого языка, распространенный у немцев России», и справедливо указывает на явное его отличие от литературного немецкого языка современной Германии [Berend 1998: 24–25]. Понятие национального варианта языка предполагает, однако, не только лингвистическое своеобразие идиома, но и наличие сложившейся нормы [Домашнев 1990: 7].

О норме литературного немецкого языка российских немцев говорить сложно прежде всего потому, что результаты интерференции со стороны различных диалектов, один из источников его своеобразия, не были одинаковы у различных групп российских немцев. Один из наиболее ярких примеров – отсутствие различия в произношении глухих *p, t, k* и звонких *b, d, g* в литературном языке носителей южнонемецких и средненемецких диалектов, в отличие от литературного языка меннонитов, где, как и в нижненемецком диалекте Plautdietsch, это различие проводится⁵. Литературный язык российских немцев не обладает, кроме того, кодифицированной нормой, которая фиксировала бы особенности этого варианта, обусловленные влиянием диалекта, русского языка или его самостоятельным развитием вне языковой метрополии, позволяющие говорить о нем как отдельном, «национальном» варианте немецкого языка. Так, при обучении российских немцев литературному немецкому языку как в довоенное, так

⁴ Платские – русскоязычное самоназвание группы, производное от лингвонима Plattdeutsch.

⁵ Эта ситуация по существу аналогична языковой ситуации в Германии, где в различных регионах особенности обиходной речи, а также некоторые особенности устной литературной речи обусловлены специфическим влиянием местных диалектов.

и послевоенное время предполагалось ориентироваться (по крайней мере в идеале) на норму литературного немецкого языка Германии⁶.

Вероятно, можно говорить о локальных «нормах»: вариантах литературного немецкого языка в отдельных группах российских немцев, обладающих некоторыми устойчивыми чертами, в нашем случае – о литературном немецком языке, распространенном среди немцев-меннонитов Омской области⁷.

Если влияние диалектов на литературный немецкий язык российских немцев в достаточной мере специфично, то влияние русского языка скорее стандартно, то есть проявляется похожим образом у разных групп российских немцев (описание многих типичных черт см. [Berend 1998: 126–162]). Отчасти поэтому, отчасти в связи со спецификой нашего материала⁸ в данной статье не рассматриваются подробно особенности, обусловленные контактом с русским языком.

Влияние русского языка проявляется у различных носителей в неодинаковой мере. К примеру, на фонетическом уровне следует говорить о двух вариантах, «русифицированном произношении» (его основной источник – овладение литературным немецким языком в школе через опору на русский язык) и «аутентичном». Наиболее явным и осознаваемым носителями признаком первого варианта является русифицированный *h* в начальной позиции, произносимый как щелевой.

Здесь описывается «аутентичный» вариант литературного немецкого языка, то есть усвоенный через семью, немецкую школу и церковь, а не приобретенный в «русской» школе на уроках немецкого языка как родного или немецкого как иностранного. Этот подход объясняет и выбор в качестве информантов преимущественно людей старшего поколения.

Описываемый языковой вариант мы называем в данной статье «литературным немецким языком». С одной стороны, мы следуем в этом за его носителями; с другой стороны, это соответствует традиции отечественной германистики в обозначении немецкого языка российских немцев, соотносимого с нормативным языком Германии: используются обозначения «литературный немецкий язык» [Жирмунский 1976; Москалюк 2003], «russlanddeutsches Hochdeutsch», «hochdeutsche Standardsprache» [Berend 2008].

Сегодня в меннонитских деревнях Омской области этот вариант функционирует, однако, преимущественно в устном бытовом общении. Тем самым его объективное соответствие (с точки зрения и выполняемых функций, и связанных с этим собственно языковых особенностей) письменной литературной норме, занимающей важное место в понятиях «Hochdeutsch», «литературный язык», кажется не бесспорным.

Возможно, в связи со спецификой сегодняшнего использования описываемого варианта уместнее рассматривать его как разговорную непринужденную речь (Alltagssprache, Umgangssprache), чем как собственно литературный язык. Тем более что для немецкой языковой ситуации характерно выраженное присутствие в разговорной речи местных особенностей⁹, что свойственно и описываемому варианту.

⁶ Здесь мы прежде всего имеем в виду разработанную в 1920-х гг. концепцию преподавания литературного немецкого языка в диалектной среде, предполагавшую преподавание идиома, близкого письменному языку, а не диалектно окрашенного варианта, возникшего под влиянием диалекта «колонистов» и меннонитов [Berend 1998: 14]. В реальности тем не менее, насколько позволяет судить записанная нами речь пожилых членов сообщества, обучавшихся в немецких школах, в школе использовался именно диалектно окрашенный литературный немецкий.

⁷ Не вполне ясно, в какой степени этот вариант типичен для всех меннонитов прусского происхождения, проживающих в разных странах. Нам не удалось найти развернутых описаний особенностей этого варианта, обозначаемого иногда как «mennonitisches Standarddeutsch» [Moclleken 1996: 18, 28].

⁸ При выборе информантов предпочтение отдавалось тем, чья речь не проявляла сильного влияния русского языка.

⁹ Как отмечает Девкин, «для немецких языковедов понятие разговорной речи неотделимо от диалектальной характеристики» [Девкин 1979: 21].

Мы будем использовать далее понятие «литературный немецкий язык» как обозначение того нормативного языка, с которым описываемый вариант соотносится, но следует помнить, что в данном случае речь идет о разговорной речи¹⁰.

3.2. Характеристика языкового материала, принципы описания языковых особенностей

Литературный немецкий язык, распространенный у меннонитов Омской области, описывается на материале речевых отрезков разной длины, записанных от четырех информантов¹¹.

Основным источником данных при этом служит материал, записанный в ходе биографического интервью с одним из информантов (информант А), мужчиной 1937-го года рождения. Язык интервью не оговаривался специально заранее, однако было очевидно, что для информанта удобнее или по каким-либо причинам предпочтительнее говорить на литературном немецком языке, который и стал основным языком беседы. Интервью содержит продолжительные монологические отрывки. Кроме того, мы опираемся на записи речи еще трех информантов: мужчин 1936-го и 1939-го годов рождения (информанты В и С соответственно) и женщины 1938-го года рождения (информант D). Длина этого материала существенно меньше, чем запись, полученная от информанта А. В случае информанта В это два небольших отрывка, записанных в ходе интервью, и запись телефонного разговора, что в определенной степени позволило наблюдать речь информанта в ситуации большего (начало беседы с собирателем, не членом сообщества) и меньшего (беседа с близкой родственницей о здоровье одного из членов семьи) внимания к речи. От информанта С записаны только несколько высказываний на литературном немецком языке, служившие пояснениями к рассказам на диалекте. Запись речи информантки D довольно продолжительна, однако мы не считаем возможным использовать ее в данной статье в полном объеме в связи с особенностями языковой биографии носителя¹² и опираемся на отрывок, равный в расшифровке двум страницам текста, как пример речи, несколько отличной от речи других информантов.

Литературный немецкий язык меннонитов, как уже было отмечено, мы описываем с особым вниманием к его сегодняшней реализации в устной бытовой сфере. Будут приведены как те его специфические черты, которые с точки зрения нормы современного немецкого языка Германии могут быть расценены как аграмматичные, так и черты, определяемые его статусом как разговорной речи.

3.3. Примеры текстов

Прежде всего, чтобы дать общее представление об описываемом языковом варианте, приведем два небольших отрывка из записи речи информантов А и D. Степень «активности» языкового варианта у этих носителей различна. В первом случае это один из

¹⁰ Это важно для адекватной оценки некоторых описываемых особенностей не как, условно говоря, проявления «испорченной» литературной нормы, а как обычных черт, присущих разговорной форме существования языка.

¹¹ Трое из информантов родились и провели жизнь в меннонитских деревнях, четвертая живет в районном центре Исилькуль.

¹² Эта женщина родилась в семье, где бытовым языком общения был литературный немецкий язык, но рано осталась без родителей и воспитывалась в семье, где говорили на нижненемецком диалекте. Кроме того, некоторое время она преподавала немецкий язык в школе, и, как кажется, представление о стандарте повлияло на ее речь, являющуюся в некоторых чертах более близкой литературному немецкому языку Германии, чем описываемый вариант в целом. Большую часть жизни информантка провела в городе (Исилькуль) и работала бухгалтером в русском коллективе. В ее повседневной жизни если не основным, то весьма активным языком был русский. Это, вероятно, и обусловило то, что в ее речи сильнее, чем у других информантов, проявляется интерференция со стороны русского языка.

основных языков в языковом репертуаре носителя: он регулярно говорит на нем на протяжении всей жизни. Во втором случае описываемый вариант не является повседневным языком информанта; речь характеризуется частыми паузами, исправлениями¹³.

(A): Dann *ginj*¹⁴ (= ging) das *Gemäindeleben* hier über, *noch* (= nach) Margenau¹⁵. Und dann wurde gleich wieder *äine* Zentralschule *oufgebaut*, in Margenau. Da wurde Deutsch unterrichtet. Russische Sprache wurde *ouch* unterrichtet, aber das unterrichteten deutsche Männer. Deutsche Lehrer waren das. Das waren Lehrer alle *met* (= mit) Hochschulbildung. Grade so *äinfach* wurde niemals *en* (= ein) Lehrer angenommen. Unsere Väter, *wann* (= wenn) die auch nur Bauer waren und Geträide bauten und Vieh hüteten und Vieh hatten, ja, das waren alles kluge *ну грамотные люди были*. Erst war *ba*¹⁶ (= bei) uns – das ist noch *en* bisschen *Freundschaft* mit uns (= unsere Verwandtschaft) – *en* Jakob Epp. Das war *en* Lehrer in dieser Zentralschule in Margenau. Und *wie* (= als) in den zwanziger Jahren der NEP war, *новая экономическая политика*, dann *finjen* (= fingen) die Dörfer an... Die waren ganz kaputt gemacht. Alles wurde den Menschen *wechjgenommen*. Und dann *drehte* die Regierung *sich mit dem Gesicht* wieder zu den Bauern. Und das *douerte* nichts, und dann waren unsere Mennonitenbauern... waren die wieder oben. Und in Omsk war *en* sehr großer Mennonitenveräin. Da war dieser Jakob Epp, der war dort *en* Leitender.

(D): Sie war *ene* (= eine) Deutsche, wenn es auch zu Hause *bi* (= bei) ihnen wurde, *soviel wie* ich weiß, wurde Plattdeutsch gesprochen. Aber das war *ene* sehr gute Lehrerin. Die Schüler, die konnten auch sprechen. Und in *unser* Klasse war ein Schüler, das war ein Russe, der *lernte nur auf Fünf, nur auf ausgezeichnet*. Und er konnte eine Geschichte¹⁷ oder was... er *übersetzte* das gleiche *im Russische*, Hochdeutschen *im Russischen*. So begabt war der. Und er *bekom* (= bekam) auch eine goldene Medaille. Das war *aune tausendneunhundertfünfzig* (= im Jahre neunzehnhundertfünfzig). Jetzt wollte er in Moskau Universität¹⁷ lernen. Und die schickten seine Papiere zurück. Sie dachten so: «*Was* kann von Sibirien *gutes* kommen?». Und dann waren *auch* die Lehrer, *auch* die Schüler, waren alle *aufgerechjt* (= aufgeregt). Das war so *en* begabter. Wenn der Lehrer... na, das konnte *oder* in Geschichte *учория*, *oder* in Geografie, *oder* Mathematik, *im* Physik *oder* wo... Wenn der was erklärte und nicht alle das verstanden, dann musste der Rybolov nach vorne kommen und das so erklären, wie er das verstanden hatte. Und dann war *allen verständlich*. Solche Gaben hatte der. Der hatte die Gaben, das klar zu machen. Und später ist er noch *en* (= in) Novosibirsk, da ist ja Akadem-zopodok, da war er noch später... war er Direktor da, *Vursetzende*, *Vurstehende* und ist aber jung gestorben an Krebs. Aber *wann* (= wenn) der mal hier herkam... Und *en* (= in) Dorf, hier so *Kilometer dreißig* von hier, waren ihre Verwandte.... Und *wann* es im Herbst war, dann fuhr er dahin helfen Kartoffel graben.

Очевидно, что в каждом из отрывков наблюдаются отличные от стандарта черты, обнаруживаемые на всех уровнях. На уровне фонетики это, например, суженное произношение дифтонгов (*äinfach*, *ouch*) и делабиализация [y:] (*ibersetzte*), произне-

¹³ Произношение, соответствующее стандартному, отображается далее в соответствии с обычными орфографическими нормами литературного немецкого языка. В случае отличного от стандартного произношения используются те буквы немецкого алфавита, которые наилучшим образом отражают характер специфических реализаций. Фонетические особенности выделены жирным шрифтом; специфические черты других уровней, а также включение диалектных единиц и единиц русского языка – подчеркиванием. В случаях, когда значение специфической единицы не очевидно, в скобках указывается соответствующая нормативная единица.

¹⁴ Сочетание согласного и *j* обозначает в приводимых примерах палатализованный характер согласного. Используемый в этой функции в фонетической транскрипции значок «'» мы не применяем, поскольку он используется далее как обозначение редукции.

¹⁵ Margenau – одна из старых меннонитских деревень Омской области, где находилась «центральная школа» меннонитов (Zentralschule).

¹⁶ Звук, средний между *o* и *a*.

¹⁷ В этом слове *s* произносится как глухой.

сение [ɲ] в определенном контексте как палатализованного [ɲ'] (*ginj, finjen*). В предложении *noch* «nach» происходит изменение гласного под влиянием диалектного аналога *no*; предлоги *met* «mit», *en* «in», *bi* «bei» могут трактоваться скорее как вставка собственно диалектного элемента, а не наличие интерференции в слове литературного языка. Встречаются и особенности произношения, указывающие на то, что в речи данного информанта это слово заимствовано из русского языка (ударность предпоследнего слога в слове *Mathematik*, глухое произнесение *s* в *Universität*). Есть примеры калькирования как диалектных конструкций, так и конструкций русского языка: и то, и другое наблюдаются, например, в указании даты *aune tausendneunhundertfünfzig* «im Jahre neunzehnhundertfünfzig». На уровне морфологии мы видим образование претерита по диалектной модели (*bekom*), колебания в формах артикля (*er ibersetzte das gleiche im Russische, Hochdeutschen im Russischen*) и в падежных окончаниях (*in unser Klasse*). И в том, и в другом случае это может быть выражением некоторой нестабильности системы падежных склонений в идиолекте информанта; в обоих приведенных выше случаях, однако, может быть прослежено и диалектное влияние¹⁸. Влияние русского языка в приведенных текстах прежде всего касается калькирования конструкций: например, калькирование идиоматического выражения «повернуться лицом к...» (*drehte die Regierung sich mit dem Gesicht zu den Bauern*), калькирование сложного союза «или – или» (*das konnte oder in Geschichte ucmopia, oder in Geografie, oder Mathematik*) вместо использования нормативного немецкого «entweder – oder» и т. д.

Рассмотрим более подробно эти и другие особенности немецкого литературного языка, распространенного у меннонитов Омской области¹⁹.

3.4. Фонетические особенности

Фонетические особенности, отличающие местный вариант литературного немецкого языка от литературного языка современной Германии, условно можно разделить на две группы по признаку их большей или меньшей регулярности. Кроме звука *r*, имеющего только один способ реализации, и просодических характеристик речи (интонационной специфики этого варианта, обусловленной влиянием нижненемецкого диалекта), все остальные особенности в большей или меньшей степени вариативны. Тем не менее одни из них отличаются высокой частотностью, а другие появляются в речи скорее окказионально. Начнем с регулярных признаков.

1) Реализация *r* только как переднеязычно-альвеолярного звука в отличие от литературного языка Германии, где присутствуют три варианта реализации *r*, все являющиеся нормативными. Увулярная и заднеязычная реализация *r* отсутствует также и в нижненемецком диалекте меннонитов.

2) Отсутствие вокализации *r*, в том числе в тех позициях, где в литературном языке Германии и большинстве диалектов вокализация происходит: *Brud[er]*, *Vo[r]fahren*, *di[r]* и т. п. В описываемом варианте согласный в этих позициях не ослабляется, не редуцируется и не вокализуется.

Вокализация *r* является одной из типичных черт разговорной немецкой речи, закрепившейся в определенном объеме также и в нормативном произношении [Auer 1990:

¹⁸ Использование датива вместо аккузатива в примере *er ibersetzte das gleiche im Russische, Hochdeutschen im Russischen* может быть связано с двучленной системой артикля в нижненемецком диалекте, где форма артикля мужского и среднего рода в объектном падеже совпадает с формой старого датива. Отсутствие окончания притяжательного местоимения в дативе в примере *in unser Klasse* может обуславливаться частым отсутствием окончания в соответствующем местоимении в мужском и среднем роде в нижненемецком диалекте и совпадением его в дативе с формой номинатива [Jedig 1966: 78]. При этом необходимо предположить, что род определяемого существительного (*Klasse*), нормативно являющегося существительным женского рода, данный информант определяет как мужской под влиянием соответствующего слова русского языка (*класс*).

¹⁹ В примерах специфических черт не фонетического уровня фонетические особенности речи могут быть далее не помечены.

162]. С учетом этого неясно, почему в описываемом варианте, по ряду фонетических признаков (например, различным редуциям) могущем рассматриваться скорее как разговорная речь (Umgangslautung), отсутствует свойственная разговорному стилю тенденция к вокализации *r*.

Очевидно, что вокализации не способствует свойственная описываемому языковому варианту реализация *r* как переднеязычного сонанта. Однако это не может объяснять полное ее отсутствие: так, в меннонитском нижненемецком диалекте²⁰, также имеющем переднеязычный *r*, вокализация в определенных позициях весьма распространена.

Как вероятный источник этой особенности можно было бы рассматривать влияние русского языка, которому не свойственно ослабление *r*. При этом, однако, не вполне понятно, почему отсутствие вокализации *r* характерно для речи представителей старшего поколения, которые усваивали этот язык в церкви, семье и школе не через посредство русского языка и для которых русский язык не являлся первым.

Возможно, отсутствие вокализации *r* можно объяснить ориентацией на орфографию, связанную с книжным освоением литературного немецкого языка (не обязательно нынешними носителями этого варианта, скорее – предыдущими поколениями; в дальнейшем эта норма могла передаваться устно).

3) Произнесение дифтонгов *ai* и *au*²¹ с разной (меньшей, чем в нормативном произношении) степенью открытости.

ai

Дифтонг *ai* часто реализуется в описываемом варианте как *ei* (возможна также реализация *äi*): например, *Zäit*, *äin* и т. п.²² При этом наблюдается высокая вариативность: от близкого к нормативному произношения до реализации дифтонга как *ei* с различными вариантами, расположенными между этими полюсами. В некоторых ситуациях говорящий способен (и стремится) сознательно приближать степень открытости этого дифтонга к нормативной. Например, в беседе с автором статьи речь информанта В отличалась высокой степенью «правильности», в том числе открыто произносился и данный дифтонг. Во время беседы информанту позвонила двоюродная сестра, живущая в этой же деревне и также происходящая из семьи «литературных» немцев. Разговор между ними шел на литературном немецком языке. Предмет разговора был таков, что позволил информанту отвлечься от контроля за собственной речью: обсуждалось здоровье одного из членов их семьи. Во время беседы информант перешел от нормативного произнесения этого дифтонга к суженному, более привычному для описываемого варианта.

Еще один пример различной реализации этого дифтонга в зависимости от обстоятельств коммуникации представляла речь информанта А: в молитвенном доме во время проповеди и молитвы на литературном немецком дифтонг реализовывался более открыто, чем свойственно этому информанту в обычной бытовой ситуации. Нашего материала, однако, недостаточно, чтобы оценивать, насколько регулярна и обязательна эта вариативная модель в реализации дифтонга (бытовое использование языка – использование языка в церкви). Эти примеры, как и пример информанта С, который в начале небольшой беседы произносил дифтонг в близком к нормативному варианту, а в конце стал допускать его узкие реализации, показывают, что реализация дифтонга *ai* в описываемом сообществе в определенной мере зависит от степени контроля говорящего за

²⁰ В немецкоязычном пространстве существуют так называемые «не вокализирующие» диалекты. Так, *r* наиболее прочно сохраняется в алеманнских диалектах: в конце слога или слова *r* не вокализуется, сохраняясь как альвсолярный звук или перед некоторыми согласными как фрикативный. Нижненемецкий диалект меннонитов к «не вокализирующим» диалектам не относится [Auer 1990: 163; Жирмунский 1956: 346].

²¹ Нижнюю смычку как показатель дифтонга в транскрипции мы выпускаем для простоты написания.

²² В нашем материале только информант D произносил этот дифтонг преимущественно нормативно.

своей речью и желания представить себя как носителя «правильного» языка. С другой стороны, вариативность реализации этого дифтонга имеет место и вне связи с вниманием говорящего к своей речи и изменением контекста. Остановимся в качестве примера на речи информанта А, которая была записана в наибольшем объеме, без изменения условий коммуникации и может поэтому считаться образцом обычной бытовой речи. Она также обнаруживает высокую степень вариативности в реализации рассматриваемого дифтонга: от нормативной до узкой.

Большая часть слов в речи информанта А произносилась с узкой реализацией дифтонга (*häißt, alläin, Äinzelhäiten, Gemäinde, Äisenbahn, käin, Geträide* и т. д.). В том числе узко произносился дифтонг в притяжательных местоимениях (*mäin, säin*) и в неопределенном артикле (если он реализовывался в полной, а не стяженной форме), кроме одного примера (в сочетании *in einem kleinen Haus*), числительных (*äin, zwäi, dräi*), за исключением сложного числительного *zweiundvierzig*, где дифтонг был произнесен нормативно. С нормативной реализацией дифтонга (или близкой к нормативной) всегда произносились слова *gleich, klein* и предлог *bei* (когда он реализовывался в полном варианте), а также некоторые существительные (*Verein, Leitender, lateinische Buchstaben*). Некоторые слова встречались и с открытой, и с закрытой реализацией дифтонга (например, *weil*)²³.

Таким образом, в описываемом варианте литературного немецкого языка наблюдается значительная вариативность в реализации дифтонга *ai*, отдельные случаи которой мотивированы сменой обстановки, изменением степени контроля за речью и т. д., а другие являются немотивированными: в речи одного и того же информанта без изменения контекста коммуникации часть слов реализуется с близким к нормативному варианту дифтонга, часть (большая) тяготеет к его суженной реализации. В качестве возможного источника суженной реализации этого дифтонга можно предположить предшествующие процессы языкового развития и диалектное влияние.

Дифтонг *ai* современного немецкого языка образовался в результате дифтонгизации долгого *i* и расширения дифтонга *ei* [Жирмунский 1965: 144–146]. Как показывает анализ нашего материала, нет твердых соответствий между широкой или узкой реализацией дифтонга в том или ином слове и его источником в средневерхненемецком. Так, узко реализуются, с одной стороны, дифтонги в *Gemeinde* (ср.-в.-нем. *gemeinde*)²⁴ и *allein* (ср.-в.-нем. *alein(e)*) и, с другой стороны, в *Eisenbahn* (ср.-в.-нем. *îsen*) и *Beispiel* (ср.-в.-нем. *bîspel*). Широко (нормативно) произносятся и *klein* (ср.-в.-нем. *klein(e)*), и *gleich* (ср.-в.-нем. *gelîch(e)*).

В меннонитском диалекте Plautdietsch словам литературного немецкого языка, которые исторически содержали монофтонг, сегодня соответствуют также слова с монофтонгом, поскольку в нижненемецких диалектах отсутствовала дифтонгизация узких долгих *i, u, ü* (ср. н.-в.-нем. *Schwein*, ср.-в.-нем. *swîn*, мн. *schwien*²⁵; н.-в.-нем. *Eisen*, ср. в.-нем. *îsen*, мн. *iesa*). Таким образом, если диалектное влияние и имеет место, оно не сводится к прямому переносу на слово литературного языка фонетической оболочки его диалектного аналога. Дифтонг, восходящий к средневерхненемецкому *ei*, не имеет в диалекте однозначного соответствия. Это связано с тем, что речь идет об идиоме, происхождение которого сводится не к одной четко определенной форме, рассматриваемой как его непосредственный предок, но к некоторому количеству близкородственных диалектов с различными фонематическими системами [Nieuweboer 1998: 128–129]. Так

²³ Слова, отмеченные среди слов с узкой реализацией дифтонга, иногда могли произноситься с более открытым вариантом этого дифтонга, и, наоборот, те, которые в одном случае произносились открыто, в других случаях допускали чуть более закрытую реализацию. Таким образом, можно говорить о двух полюсах (условно «стандартном» и «нестандартном» произношении), которые сами по себе также представляют некоторый спектр реализаций.

²⁴ Средневерхненемецкие слова представлены по этимологическому словарю Клюге [Kluge 1967].

²⁵ мн. – меннонитский нижненемецкий диалект.

или иначе, важным является то, что в диалекте отсутствует дифтонг *ai*, но есть дифтонги *ei* (*äi* «Ei», *fräid* «Freude») и *äi* (*mäid* «müde», *wäit* «(ich) weiß», *äin* «ein», *twäi* «zwei») с открытым *ε* в качестве первого элемента дифтонга в первом случае и редуцированным звуком во втором. Как видно по приведенным примерам, части слов литературного немецкого языка с дифтонгом *ai* в диалекте соответствуют слова с дифтонгами *ei* и *äi*. Можно предположить, что, опираясь в том числе на эти соответствия, носители диалекта заменяли в литературном языке элемент *ai*, не имеющий в их диалекте точного аналога, близким диалектным дифтонгом. Этот перенятый под влиянием диалекта элемент, закрепившись в местном варианте литературного языка, не вытесняет нормативную реализацию дифтонга, а варьирует с ней.

au

Дифтонг *au* также реализуется в местном варианте литературного немецкого языка вариативно: от близкого к нормативному произношению до реализации как *ou*. Одни и те же слова могут произноситься и с тем, и с другим вариантами дифтонга, в том числе в речи одного и того же информанта (как, например, *dauerte* и *douerte* в речи информанта А). Эта особенность зафиксирована в речи всех информантов, но степень выраженности ее разная. Так, информант D в большинстве случаев произносит дифтонг скорее нормативно, можно говорить только о некоторой окраске. У информанта В также преобладает нормативная реализация, однако иногда дифтонг произносится и как *ou*²⁶. Нормативно он произносит дифтонг в том числе и во время упомянутого разговора по телефону. В речи информанта D дифтонг последовательно реализовывался с меньшей степенью открытости, приближаясь к *ou*. В речи информанта А встречаются нормативные реализации дифтонга, но преобладает его ненормативное произнесение (*ouch*, *gekouft*, *tousand*, *Elternhouse*, *Mittagspouse*). При этом в некоторых словах дифтонг *ou* стягивается в монофтонг (*erlobt* «erlaubt», *getoft* «getauft»).

Как и в случае с предыдущим дифтонгом, в вариативности дифтонга *au* не удается обнаружить закономерности, обусловленной историей языка. Источником этого дифтонга являются среднесверхненемские монофтонг *û* и дифтонг *ou* (а также сочетание *aw*) [Жирмунский 1965: 144–146]. В описываемом варианте как *ou* могут произноситься слова и с исходным монофтонгом, и с дифтонгом.

В нижненемецком диалекте дифтонг *au* отсутствует. Долгий германский *û* в диалекте остался недифтонгизированным и представлен сегодня как *u* или *i* (*düw* «Taube», *buk* «Bauch») (подробнее см. [Jedig 1966: 32]). Соответственно, на уровне отдельных слов перенесение диалектной оболочки в литературный язык здесь не имело места. Как и в случае с предыдущим дифтонгом, слова литературного немецкого языка с *au*, содержащие исторически среднесверхненемецкий дифтонг *ou*, находят в диалекте несколько соответствий²⁷. В их числе оказывается и дифтонг *ou* (*boum* «Baum», *droum* «Traum»). По всей видимости, в литературном немецком языке меннонитов дифтонг *ou* появился в результате замены носителями диалекта незнакомого им элемента *au* на близкий ему диалектный элемент.

4) Дифтонг литературного немецкого языка *ei* [oi] в описываемом варианте реализуется нормативно. Останавливаемся мы на нем здесь постольку, поскольку Нивсбург, кратко характеризуя литературный немецкий язык меннонитов Алтайского края, отмечает как одну из его черт реализацию этого дифтонга как диалектное [ei] [Nieuweboer 1998: 203]. В нашем материале эта особенность встречается только в речи информанта С, где она варьирует с нормативной реализацией (*in däitscher Sprache*, но *Deutsch*).

5) В разной степени специфична в описываемом варианте реализация лабиализованных *ï* и *ö*.

Гласный *ï* (как закрытый, так и открытый) в описываемом варианте реализуется чаще всего нормативно, хотя допускает и ненормативную реализацию (например,

²⁶ В анализируемом отрезке речи информанта В зафиксировано пять нормативных реализаций и две ненормативные (*aus*, *Hauptthema*, *glaub'*, *auf*, *braucht* – *gloub'*, *ouch*).

²⁷ Им могут соответствовать слова с *ou*, *u*-, *ue*, *u*, *e*- и *äi* [Jedig 1966: 31–32].

übergeben и *ibergeben* в речи информанта В, *Stick* «Stück», *finfzig* «fünfzig» в речи информанта А). Отмечая преобладание нормативной реализации, укажем для сравнения, что Нивебур в качестве характерной черты литературного немецкого языка алтайских меннонитов приводит последовательную делабиализацию *ü* в *i* [Nieuweboer 1998: 203]²⁸.

Гласный *ö* подвергается в описываемом варианте регулярной делабиализации и чаще всего реализуется как *e* или *oi*. Ненормативная реализация этого звука зафиксирована в речи всех информантов (кроме информанта В, в речи которого не встретилось релевантных слов).

Эта особенность напрямую соотносится с диалектным влиянием, поскольку в нижненемецком диалекте меннонитов звук *ö* отсутствует. Его замена в словах литературного языка, однако, не происходит в соответствии с диалектными звуками, присутствующими в том или ином слове (их может быть целый ряд: например, *steare* «stören», *tjenne* «können», *darpa* «Dörfer», *tjnäip* «Knöpfe»). Чаще всего происходит делабиализация *ö* и произнесение вместо него *e* (*Derfer* «Dörfer», *kennen* «können», *Getzenbilder* «Götzenbilder»). Также встречается произнесение *oi*, когда признаки огубленности и переднего ряда, сочетаемые в *ö*, реализуются отдельно как *o* и *i* соответственно (*moiglichj* «möglich», *Hoife* «Höfe», *Franzoisisch* «Französisch»).

Возможно, однако, и нормативное произнесение *ö*. Так, в речи информанта А, где в целом преобладало его делабиализованное произнесение, параллельно наблюдалась и нормативная реализация, в том числе в тех же словах, в которых в другом случае этот звук подвергался делабиализации (*Dörfer*, *geöffnet* и т. д.).

Особенности реализации *r*, дифтонгов *ai* и *au*, гласных *ü* и *ö* стоит рассматривать как регулярные особенности литературного языка меннонитов Омской области или, по крайней мере, его разговорно-бытовой формы. Этому их статусу не противоречит тот факт, что все они (за исключением реализации *r*) в большей или меньшей степени варьируют в речи с соответствующими нормативными реализациями. Регулярными чертами рассматриваемого варианта они могут считаться постольку, поскольку они частотны, обнаруживаются – за некоторыми оговорками – в речи всех информантов, охватывают различные категории лексики и зачастую не сводятся к прямому переносу фонетического признака с диалектного слова на соответствующее слово литературного языка (ср., например, приведенные выше *ouch* и *Derfer* и их диалектные аналоги *uk*, *darpa*), а присущи именно системе местного варианта литературного языка.

Помимо этих особенностей в описываемом варианте наблюдаются и менее регулярные фонетические черты, которые, как правило, обусловлены непосредственным окказиональным переносом на слово литературного языка элемента соответствующего диалектного слова²⁹. Так, смычный согласный в приставке *ge-* иногда реализуется как спирант *j*³⁰: *Die haben mal ene* (= eine) *Grammatik jehabt*. Другая особенность этого рода – свойственная диалекту спирантизация *g* и *k* в определенных позициях, переносимая на слова литературного языка (*fracht* «fragt» (мн. *froacht*), *Kriechj* «Krieg» (мн. *tjrichj*) и т. п.).

Есть фонетические особенности, связанные с переносом в литературный язык фонетических закономерностей диалекта, которые закрепились в описываемом варианте только за определенной категорией слов, но для этих слов являются обязательными.

²⁸ Эту особенность автор связывает с влиянием на литературный немецкий язык меннонитов языка «колонистов», одной из групп российских немцев, проживающей вместе с меннонитами в описываемой автором деревне.

²⁹ Другими словами, здесь, в отличие от предыдущей категории, невозможна ситуация, когда произносительная особенность, наблюдаемая в слове литературного языка, будет отсутствовать в соответствующем диалектном слове.

³⁰ Отметим, что в нашем материале эта особенность встречается только в приставках второго причастия и не затрагивает другие категории слов, к примеру, существительные на *ge-* (*Geschichte*, *Geschwister* и т. п.). Возможно, правда, отсутствие этих примеров связано только с меньшим количеством релевантных единиц в записанных текстах.

Так, формы *finje an*³¹ и *ginjen* регулярно присутствует в речи информанта А при образовании претерита глаголов *anfangen* и *gehen*: например, *die Mennoniten finje doch immer gleich mit der Schule an*. Известно, что источником палатального [п'] в меннонитском нижненемецком диалекте являются сочетания *nd* и *ng* после гласных переднего ряда в ауслауте или интервокальном положении (так, *zinje* «singen», *finje* «finden») [Найдич 2003: 239]. Соответственно, в данном случае литературное *finden* (претерит от *fangen*) предстает в речи информанта в диалектизированной форме *finje*: оно при этом не воспроизводит диалектный аналог (вторая форма этого глагола в диалекте – *fong*), но преобразуется по свойственной диалекту фонетической модели. Форма *ginjen* в результате этого процесса совпадает по реализации данного признака с претеритом диалектного глагола *gone* «gehen» – *jinje* (мн. ч).

3.5. Грамматические особенности

На уровне морфологии описываемый вариант характеризуется колебаниями в использовании падежных окончаний имен, форм артиклей и указательных местоимений. Отчасти эти колебания напрямую связаны с влиянием соответствующих форм диалекта:

(А): *Ich hab meinem Vater niemals betrunken gesehen. Ich hab meinem Vater niemals trinken sehen. Ich hab meinen Vater niemals rauchen sehen. Ich hab meinen Vater niemals gesehen, dass der was gestohlen hat und noch House (= nach Hause) gebracht. Ich hab dem niemals gehört, dass der über die Obrigkeit gescholten hat*³².

В данном примере вариативность форм датива и аккузатива обусловлена влиянием двухпадежной системы нижненемецкого диалекта, в которой общий падеж (Objektkasus) в мужском и среднем роде имеет форму исконного датива.

Отличны от этого колебания в маркировке падежа, не связанные непосредственно с перенесением в литературный язык грамматической формы диалектного аналога, а проявляющие, по-видимому, некоторую нестабильность системы склонения, в большей или меньшей степени (скорее незначительной) наблюдаемую в речи разных информантов.

Свойственно рассматриваемому варианту и некоторое колебание в образовании временных форм глагола, выражающееся в присутствии в речи таких форм, как, например, *bekom* (Prät. 3 л., ед. ч. от *bekommen*) и *gemalen* (Part. II от *malen*). Эти нестандартные формы также делятся на связанные и не связанные с непосредственным влиянием диалектного аналога. Не связаны с ним форма *gemalen*, образованная говорящим с помощью суффикса второго причастия сильных глаголов вместо свойственного слабым глаголам дентального суффикса, или форма претерита глагола *können* в примере *Das ist meine erste Sprache, die ich gekonnte*, возможно, ставшая результатом стремления говорящего с помощью префикса *ge-* выразить результативность действия («смог, освоил») при перечислении последовательности овладения разными языками. Претеритная форма *bekom*, прямой результат диалектной интерференции, образована по аналогии с диалектным претеритом глагола *kome*³³ – *kaum* (так приводит вторую форму этого глагола словарь Тиссена; в рассматриваемом диалекте дифтонг *ai* монофтонгизировался в *o*).

На уровне синтаксиса можно выделить следующие особенности литературного немецкого языка меннонитов:

³¹ Здесь под влиянием диалекта в глаголе отпадает и конечное *n*.

³² Мы не останавливаемся здесь на других языковых особенностях приведенного фрагмента.

³³ Соотнесение с глаголом *kome* «kommen», а не с собственно диалектным аналогом глагола *bekommen* происходит постольку, поскольку употребительным аналогом последнего в диалекте является только глагол *tjrie* «kriegen».

1) Описываемый языковой вариант допускает наличие в предложении нескольких отрицаний, что не характерно для современной нормы стандартного немецкого языка, но в той или иной мере свойственно диалектам и повседневной речи. При этом в нем наблюдается некоторая корреляция между определенными наречиями и местоимениями и типом отрицания. Так, наречие *niemals* во всех зафиксированных с ним примерах выступало как единственное отрицание в предложении, например:

Es wird niemals zu Ende kommen; Grade so einfach wurde niemals ein Lehrer angenommen; Wir haben mit dem Kalmyk niemals Russisch [gesprochen].

Местоимение *niemand*, напротив, тяготеет к сочетанию с *nicht / nich*:

*Niemand hat es nicht verboten;
Das wollte niemand nich.*

Другие местоимения могут выступать и как единственное отрицание в предложении, и в сочетании с *nicht*. Например:

*Wir hatten nix, und die hatten auch nix;
Nich das Deutsche oder den holländischen Dialekt, nix konnten die nicht, bloß Englisch.*

Также в описываемом варианте возможно двойное отрицание, сочетающее частицу *nicht* и местоимение *kein*: *Ich werd' keinen Namen nicht nennen.*

Двойное отрицание возможно также и в нижненемецком диалекте Plautdietsch, что, как предполагает Нивебур, поддерживается влиянием русского языка [Nieuweboer 1998: 197]. В свою очередь в литературном языке меннонитов эта особенность, по всей видимости, может обуславливаться влиянием и диалекта, и русского языка.

2) Некоторые особенности описываемого варианта определяются калькированием конструкций диалекта и русского языка. Часто они не получают статус системных характеристик, а представляют собой единичные образования, отличные от нормы. При этом калькирование диалектных конструкций вследствие структурной близости идиомов, о которых идет речь, чаще всего не приводит к аграмматичности высказывания. Результатом скорее становится обретение уже существующей конструкции литературного языка дополнительного значения. Так, например, в примере *Das Bild haben wir nich jekouft, das haben sie für uns gemalen* говорящий употребляет конструкцию с местоимением *sie* не в значении указателя на исполнителя действия, уже известного собеседнику и поэтому могущего быть обозначенным местоимением, а в неопределенно-личном значении. Здесь вместо нормативной конструкции литературного языка с местоимением *man* используется стандартная диалектная конструкция для выражения этого значения, конструкция с личным местоимением 3 л. мн. ч. *säi*, в постпозиции обычно представленного как *se* (приведенному примеру соответствует диалектное «*habe se...*»).

Калькирование русских конструкций, напротив, чаще приводит к появлению неправильных (и невозможных) с точки зрения системы современного немецкого языка конструкций. Так, в примере из приведенного выше текста *Und en (= im) Dorf, hier so.... Kilometer dreißig von hier* информант воспроизводит присущий русскому языку порядок слов для выражения примерного, неточного знания («километров тридцать отсюда») с постпозицией числительного, невозможный в немецком языке. В предложении *Wenn nur selten sprechen, dann vergisst sich das*, соблюдая свойственный сложноподчиненному предложению порядок слов (как в главной, так и в придаточной части), говорящий калькирует в придаточной части инфинитивную конструкцию русского языка («если только редко говорить, то...»). Возникшая конструкция не соответствует в данном случае нормативному свойству двусоставности немецкого предложения и является аграмматичной. Отметим также являющуюся калькой с русского языка и наблюдаемую в этом

примере конструкцию *das vergisst sich*, где возвратный глагол *sich vergessen*, могущий употребляться в немецком языке только в сочетании с одушевленным субъектом, в сочетании с *das* призван выразить (по аналогии с русским языком) несвойственное ему значение безличного пассива («это забывается»).

3) Некоторые устойчивые колебания демонстрирует порядок слов сложноподчиненного предложения³⁴. При этом в предложениях одного вида (например, в дополнительных придаточных с союзом *dass*) порядок слов может быть гораздо более устойчивым, чем в придаточных другого вида. Для экономии места ограничимся иллюстрацией некоторых тенденций в изменении порядка слов на примере сложного предложения с условным придаточным.

Последнее место в придаточном предложении, как это и предполагает языковая норма, как правило, остается закрепленным за сказуемым:

Wenn das geschieht, dann bin ich en (= ein) Kind Gottes.

Однако если в случае сложной глагольной формы спрягаемая часть (вспомогательный глагол) занимает нормативное последнее место, то в случае составного глагольного сказуемого спрягаемая часть (в дальнейших примерах – модальный глагол) и инфинитив имеют тенденцию меняться местами, ср.:

1) *Wann (= wenn) Gott mir meine Sünden vergeben hat, dann brauche ich nicht mehr fluchen;*

Niemand hat dir das auch nicht verboten, wann (= wenn) du das gemacht hast.

2) *Wenn ich das nicht kann unterscheiden, das ist schon sehr traurig;*

Wenn wir zu Gott zurück wollen kommen, ist das niemand außer Jesum Christum, kein Buddha und kein anderer.

3.6. Лексические особенности

Из-за длительного отсутствия непосредственного контакта между литературным немецким языком меннонитов и современным немецким языком Германии лексические отличия между ними очевидным образом касаются пласта разговорной лексики (сленга и т. д.). Разумеется, специфика разговорной речи как таковой (имеются в виду такие ее особенности, как широкое употребление слов с ослабленной знаменательностью, могущих приобретать в разных контекстах разную семантику, употребление редуцированных форм и т. п.) характерна для описываемого варианта в той же мере, что и для разговорной речи Германии. Однако, насколько позволяет судить наш материал, специфической разговорной лексики (отличной от основного словаря и не индуцированной при этом русским влиянием) в описываемом варианте нет. Эта ниша отчасти заполнена привнесением в немецкую речь разговорной лексики русского языка как в результате калькирования, так и переключения кодов: например, *Wenn ich nichts liegen kann lassen, immer vom Kolchos noch was ein bisschen nach Hause schlepp'*, *das wird* ну это в привычку. Глагол *schleppen*, соотнесенный у говорящего с русским глаголом *тащить* (в значении «тянуть», «волочить»), перенимает в данном случае и другое, разговорное значение этого русского глагола («воровать»).

На уровне основного словаря в описываемом варианте также есть некоторое количество специфических лексических элементов. В отличие от единиц, представленных в следующем разделе о присущей литературному немецкому языку меннонитов вариативности (в том числе лексической), эти элементы не варьируют в речи с нормативными соответствиями; в речи всегда представлены именно они. Источник этих особенностей в одних случаях очевиден, в других – не вполне прозрачен. Так, например:

³⁴ Порядок слов простого предложения в описываемом варианте в общем и целом нормативен (если речь не идет о калькировании той или иной конструкции русского языка).

1) Приставка и предлог *vor* всегда реализуются в описываемом варианте как *vor*³⁵: *Vurfahren, der Vursetzende* «Vorsitzende»³⁶, *Vurstadt, vor Neujahr, vormittags, vorgestern, voriges Jahr* и т. д. Эту особенность нельзя объяснить заменой элемента стандартного языка диалектной единицей, поскольку в диалекте ему соответствует *vāa* [Jedig 1966: 82].

2) Союз *deswegen* представлен как *dawegen*, что является закрепившейся в литературном языке меннонитов адаптацией диалектного *doawegen*³⁷.

3) Указание даты (года) происходит в описываемом варианте с помощью элемента *aune* «im Jahre»: *Die Kalmyken kamen aune vierunvierzig*.

Этот элемент используется в этой функции и в меннонитском диалекте Plautdietsch: *Onze Tjast hoade wi aune zewenenfeftich*³⁸ «Unsere Hochzeit hatten wir im Jahre siebenundfünfzig». Нивебур отмечает эту особенность как фонетически адаптированное латинское *Anno*, заимствованное нижненемецким диалектом через литературный немецкий язык [Nieuwebosch 1998: 199]. Поскольку в литературном немецком меннонитов этот элемент представлен в диалектной форме, ясно, что это вторичное заимствование уже из диалекта.

Отдельно от регулярных особенностей описываемого языкового варианта отметим наличие в нем единиц, возникших под влиянием нижненемецкого диалекта и русского языка, статус которых (регулярны они или окказиональны) наш материал определить не позволяет. Скорее, однако, речь идет об окказиональных образованиях.

Так, в примере *Wann (= wenn) Gott mir meine Sünden vergeben hat, dann brauche ich nicht mehr fluchen, ich brauche nicht mehr schmochen* (= *schmauchen, rauchen*) глагол *schmochen* можно трактовать как фонетическую адаптацию диалектного *schmeätje*³⁹ (с переходом палатализованного согласного *tj* в соответствующий ему в верхненемецком спирант *ch* и изменением сопутствующего палатализации гласного переднего ряда). Также это может быть результатом стяжения дифтонга в нормативном глаголе *schmauchen*. В пользу диалектного влияния говорит отсутствие в произношении гласного призвучия дифтонга (как это обычно бывает в описываемом варианте даже в случае стяженного произнесения дифтонга *au*), а также тот факт, что слово *schmauchen* в описываемом варианте не распространено (всегда употребляется *rauchen*), в то время как диалектное *schmeätje* для говорящего привычно.

Другой пример диалектного (окказионального) влияния на уровне лексики обнаруживается в *Das ist noch ein bisschen Freundschaft* (= *Verwandschaft*) *mit uns*, где слово *Freundschaft* в результате семантического переноса обретает несвойственное ему в литературном немецком языке значение «родство», являющееся единственным значением слова *Frindschaft* в нижненемецком диалекте Plautdietsch [MLGD 2003: 82].

Влияние русского языка обнаруживается, как уже было сказано, в калькировании конструкций, в том числе калькируется структура слова, например, *Sie haben das vernannt* (= *umbenannt*). Вместо нормативной для данного слова в литературном немецком языке приставки *um-* говорящим используется приставка *ver-*, поскольку в одном из своих значений она соотносится с русским «пере» и выбирается поэтому для воссоздания структуры слова «переименовать». Иногда механизм появления специфического слова не вполне прозрачен, при этом ясно, что частично оно обусловлено влиянием русского аналога. Так в примерах *So war hier der rechtschaffene* (= *orthodoxe*) *Glaube*; *Ouch in der rechtschaffenen Kirche, das ist die prawoslawische Kirche, ist alles erlobt* (= *erlaubt*)

³⁵ Эту особенность мы рассматриваем на уровне лексики, а не на уровне фонетики, поскольку сужение *o* в *u* привязано к конкретному элементу.

³⁶ Изменение корневого гласного под влиянием нижненемецкого глагола *sette* «sitzen».

³⁷ Слово имеет также аналогичное диалектному ударение на второй слог в отличие от ударного первого слога литературного *deswegen*.

³⁸ Пример из нашего полевого материала.

³⁹ *Schmeätje* – единственный семантический аналог нем. *rauchen* в меннонитском диалекте Plautdietsch.

исходным стимулом к выбору немецкого слова послужило русское слово «православный». Говорящий выделяет его первую часть «правый», ставит ее в соответствие в немецким «*recht*» и соотносит на этой основе русское слово со словом литературного немецкого языка, начинающимся с этого же корня, – «*rechtschaffen*».

Под влиянием русского языка союз *wie* приобрел в описываемом варианте значение временного союза и регулярно употребляется в функции союзов *als* (выражает однократное действие в прошлом), *seitdem* и *nachdem*: *Wie der erste Weltkrieg (= Krieg)... aune (= im Jahre) vierzehn finj (= fing) je der an, ja, mit Deutschland, dann wurde die Schule zugemacht*. Многократные действия в прошлом, как правило, вводятся в описываемом варианте, как и в стандартном языке, с помощью союза *wenn* или его диалектного соответствия *wann*: *Wann (= wenn) wir, plattdeutsche Jungen, zusammen waren, sprachen wir Plattdeutsch*. В литературном немецком языке союз *wie* также имеет временное значение⁴⁰ и используется для выражения одновременности действий прежде всего в настоящем времени, но в разговорной речи также и одновременности в прошлом. Исходя из этого использование союза *wie* в этой функции можно было бы не рассматривать как специфическую черту, отличную от разговорной нормы Германии. Тем не менее если в приведенном выше примере имеет место одновременность действий главного и придаточного предложений, то в других примерах с этим союзом действие придаточного может предшествовать действию главного: *Meine Schwester ist in Deutschland jetzt schon fünfzehn Jahre, wie die dahin kam*. Этот пример демонстрирует, что использование *wie* как союза, вводящего придаточные предложения времени, связано с влиянием русского языка, в котором союз *как* имеет аналогичную функцию⁴¹.

3.7. Вариативность

Описываемому языковому варианту присуща широкая вариативность «коротких» слов (прежде всего служебных, но реже и коротких знаменательных). Одна и та же единица может быть представлена, во-первых, в полном или редуцированном виде (например, местоимение *es/s*; неопределенные артикли *ein/en/'n*, *eine/ene/'ne*⁴²) и, во-вторых, в нормативной или диалектной реализации (например, предлоги *in/en*, *fäa/für*, *mit/met* и т. д.): *Ich weiß nicht, was für (= für) eine Siedlung das war; Etliche Lutherische waren hier en (= in) Solnzewka*⁴³. Иногда варьируют три реализации (нормативная, редуцированная, диалектная), как, например, в случае предлога *bei* (*bei*, *ba*⁴⁴, *bi*), союза *und* (*und*, *un*, *en*) и т. д.

Что касается чередования нормативного и диалектного (или диалектно окрашенного) вариантов слова, то наиболее часто чередуются союзы *wo/wu* (второй член пары появляется под влиянием диалектного *wua*) и *wenn/wann*, которые нередко могут быть представлены и в одном предложении:

⁴⁰ Так словарь немецкого языка DWDS («*Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*») иллюстрирует это значение союза следующими примерами: *Wie ich zurückkomme, höre ich zwei Schüsse; und wie ich so ging, da sah ich auf einmal den Kranich ankommen* и т. д. (<http://www.dwds.de/?kompakt=1&qu=wie>)

⁴¹ Использование союза *wie* в этом примере калькирует одну из собственных союзу *как* конструкций: «союз, употребленный после предложения с существительным, имеющим значение времени, служит для обозначения того момента, с которого начинается счет времени, совпадая по знач. с союзом: с тех пор как (разг.) *Прошло два года, как мы познакомились*» [СУ 1935–1940, Т. 1: 1284–1287].

⁴² Редуцированные формы совпадают с редуцированными же формами неопределенного артикля в диалекте.

⁴³ Редуцированная и диалектная реализации могут формально совпадать, так что не всегда ясно имеет место редукция стандартной формы или включение в речь диалектной единицы (например, частица *nich*).

⁴⁴ Редуцированный звук представляет собой нечто среднее между *a* и *o*.

Die Kirchenbücher, церковные книги, wu die alle registriert haben, wo en Kind geboren war un (= und) alles;

Wann die Zentralschule...wenn die geendichjt (= geendet) war, das war gleich fast wie en (= ein) Institut heute, da kamen geschulte Menschen raus.

Wenn и его диалектный аналог *wann* варьируют и в сложном союзе *wenn auch*, имеющем уступительное значение:

Unsere Väter, wann die auch nur Bauer waren und Getreide bauten und Vieh hüteten und Vieh hatten, ja, das waren alles kluge... ну грамотные люди были.

Вариативность знаменательных слов, в том числе коротких, распространена в описываемом варианте в гораздо меньшей степени, чем вариативность служебных слов. Так, варьируют, например, нормативная и диалектная формы местоимения второго лица множественного числа *ihr/ji*: *Versteht ihr das, ja? / Versteht ji?* В случае знаменательных слов включение в речь той или иной диалектной единицы зачастую является одноразовым актом. Примеры подобного включения: *En (= in) der Neukolonie, da war dieses «n» schon wachj*⁴⁵ (замена наречия *weg* на соответствующий ему диалектный элемент *wachj*); *Das hat im Deutschen auch sehr großes Wichjt*: «*mir*» oder «*mich*» (вместо нормативного *Gewicht* употребляется одно из его диалектных соответствий). Диалектное слово при этом не варьирует регулярно со стандартным, как в случае приведенных выше служебных слов, когда частотность диалектной единицы может быть сопоставлена со стандартной.

В случае знаменательных слов стандартная единица часто варьирует не с собственно диалектным аналогом, а с формой, которую можно интерпретировать как редуцированную или как диалектно окрашенную. Так, существительные с конечным *e* могут произноситься как в полной, так и редуцированной форме: *Sprache / Sprach'*, *Geschichte / Geschicht'*, *Schule / Schul'*. Вторую единицу можно рассматривать и как естественную для разговорной речи редукцию, и как результат диалектного влияния: ср. соответствующие диалектные слова *Sproak*, *Jeschecht*, *Schoul*⁴⁶. Аналогично этому и отпадение *n* в суффиксах существительных: *Menschen / Mensche* (диалектное *Mensche*). Вариативность стандартной единицы и специфической, появившейся под влиянием диалектного соответствия, регулярно имеет место в случае вспомогательного глагола *werden*: так, варьируют формы *werden* и *weren* (*d*, по всей видимости, выпадает под влиянием диалектного соответствия *woare*):

Die weren Ihnen den Zhurnal (= Zeitschrift) bringen;

Das sind alle die Getzenbilder (= Götzenbilder), die heute in den großen Kirchen weren aufgestellt.

Описанная вариативность, как это часто бывает в случае взаимодействия стандартного языка и диалекта, представляет собой случай так называемой конгруэнтной лексикализации, то есть «насыщение» единицами двух различных лексических систем общей (в силу близости идиомов) грамматической структуры [Muysken 2000]. Варьироваться в этой ситуации в принципе могут любые единицы. В нашем материале, однако, регулярно и закономерно варьируются только «не основные» (прежде всего служебные) слова. Включение диалектных знаменательных слов имеет место, но не обнаруживает какую-либо регулярность. При этом в структурном плане нет принципиального отличия между включением собственно диалектного слова или присутствием единицы, только про-

⁴⁵ Речь идет об отпадении конечного *-n* у глаголов в инфинитиве.

⁴⁶ В записанных нами текстах полная и редуцированная реализации слов, как правило, распределены произвольно и не связаны с контекстом (тематикой, особенностью реализации соседних единиц): *Das war alles in deutscher Sprach' / Aber Plattdeutsch, 'ne wunderbare Sprache!*

являющей диалектное влияние. С этой точки зрения как вариативность стандартного и диалектного могут рассматриваться и те примеры, приведенные в разделе фонетики, где слово литературного языка окказионально проявляет какой-либо признак соответствующего диалектного слова (*jekouft*, *Kriechj* и т. д.).

4. ВОСПРИЯТИЕ МЕСТНОГО ВАРИАНТА ЛИТЕРАТУРНОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА СООБЩЕСТВОМ НОСИТЕЛЕЙ

Восприятие литературного немецкого языка с точки зрения его субъективной «близости» носителю зависит от языковой компетенции того или иного члена сообщества. Те из них (меньшая часть), кто используют его как язык семейного общения или хорошо овладели им благодаря использованию в других сферах, воспринимают этот язык как «близкий» и «свой». Для тех, чья компетенция низка, этот язык скорее периферичен.

Однако вне зависимости от уровня компетенции все члены языкового сообщества обязательно указывают на использование (сегодня или в прошлом) литературного немецкого в деревне и свое знакомство с этим языком. Общими для всех членов сообщества являются и представления о местном варианте литературного немецкого языка, развившиеся в сравнении его с языком Германии.

После начавшейся иммиграции российских немцев в Германию, открывшей возможность прямого контакта меннонитов с современным немецким языком Германии, в сообществе стало осознаваться своеобразие местного варианта литературного немецкого языка. Все суждения, высказываемые жителями о литературном немецком языке, неизменно касаются сравнения своего варианта с языком Германии и подкрепляются опытом последних двух десятилетий, непосредственно пережитым или воспринятым как некое «общее знание». Сопоставление и противопоставление своего варианта и языка Германии выражается и в привычном для сообщества именовании этих вариантов: свой язык называется «немецким», литературный немецкий язык Германии – «германским» (соответствует этому и именование своей группы как «немцев», а коренных немцев Германии как «германцев»).

Как собственно языковые особенности местного варианта носителями осознаются три фонетических признака: произнесение дифтонга *ai* как *ei*, переднеязычно-альвеолярный *r*, отсутствие вокализации *r* (последние два признака в восприятии носителей не разделены и обычно формулируются как «Мы *r* не проглатываем»). Эти особенности имеют в сообществе статус маркеров местного варианта литературного языка. Они могут сознательно варьироваться говорящим: при стремлении представить свою речь близкой к стандартному немецкому говорящий может реализовывать их в близком к нормативному варианте. Чаще и охотнее в этом случае варьируют произнесение дифтонга, *r* же обычно сохраняет привычную для данного варианта реализацию. С одной стороны, это, вероятно, может отражать какие-то психофизиологические закономерности артикуляции⁴⁷, а с другой – связано с тем, что переднеязычный характер *r* и отсутствие его вокализации ассоциируется в сообществе с «литературностью», «правильностью» языка, что обусловлено традиционным для сообщества взглядом на литературный немецкий язык через его письменную форму:

R у нас постоянно проскальзывает, а там его практически нет. Они не выговаривают... Не знаю, почему. Вот в письменности он же пишется (ж., 1965 г.р., Солнцевка).

Среди представлений сообщества о местном варианте литературного немецкого языка выделяются несколько (порой противоположных) интерпретаций, базирую-

⁴⁷ Обуславливающие то, что для говорящего представляет большую трудность изменять произношение этого звука, чем, к примеру, дифтонга *ei*.

щихся на сопоставлении его с языком Германии. Так, некоторые члены сообщества в большей степени, чем другие, рефлектируют наличие в повседневной речи диалектных элементов и элементов русского языка и оценивают это как «неестественность», «выдуманность» местного литературного немецкого, который из-за включения иноязычных элементов теряет свой «настоящий», «естественный» облик. В нашем материале это представление в первую очередь характерно для тех членов сообщества, которые переехали в Германию, но затем вернулись обратно.

Инф: [Литературный немецкий] выдуманное это здесь, а там нормально говорят. Вот как русский язык мы учим в школе, мы же там все эти окончания у предложения правильно высказываем, слова. ... Так и там говорят. А тут немецкий, он не такой, он перекрученный. Тут на немецком начинают говорить, вот мы на собрание ходим, и русские слова вставляют. Или вот платское слово скажут и думают, что немецкое. Как-то было, вот пришли домой, а дети же очень восприимчивые. «Ой, – говорят, – они все вперемешку, все языки вперемешку» (м., 1960 г. р., Солнцевка).

С другой стороны, отличия местного варианта литературного немецкого языка от языка Германии находят в сообществе и следующую интерпретацию. Они могут оцениваться как свидетельство большей архаичности местного варианта и тем самым его большей «подлинности». «Германский» же при этом воспринимается как более «модернизированный» и «испорченный» язык. Представители старшего поколения часто возводят те его единицы (обычно разговорные, сленговые), которые для них являются новыми, к влиянию английского. Это влияние зачастую и представляется основным источником «испорченности»:

Это слово «Tschüs», это не немецкое! Auf Deutsch ist das «Wiedersehen». А они этот Tschüs придумали! Это, наверно, английский (ж., 1941 г. р., Солнцевка).

Местный вариант литературного немецкого языка в противопоставлении с «германским» оценивается как «свой», «родной», отношение к нему теплое, эмоциональное:

У нас здесь было девяностолетие села, как раз когда наши все в Германию уезжали. Это было больно. ... И тогда я сочинила стихотворение. А когда вот девяностолетие было, предложили мне, чтобы я стихотворение прочитала. Я говорю: «Я не знаю... Чтобы перед этой публикой всей... Не могу». И здесь одна учительница немецкого языка, ей дали это стихотворение мое. Потом я все-таки подумала: «Как она его там читает?» Я же это из сердца, мои переживания, и теперь его кто-то читать будет! Я пошла к ней: «Как бы Вы читали?» – Вот так: «Ich liebe t[ai]n Dorf, ich liebe die H[ai]mat». Нет, говорю, я так читать не буду. Я буду читать для своих односельчан так, как мы говорим. И это будет по-домашнему, это пойдет к сердцу. ... И вот верите, когда я рассказывала, люди плакали. Это было свое (ж., 1941 г. р., Солнцевка).

«Германский» язык (или точнее наличие в речи его типичных маркеров) вызывает у членов языкового сообщества некоторое раздражение, особенно, если таким образом начинают говорить местные. Использование в селе «германского» варианта оценивается как неестественное и нелояльное по отношению к своей группе:

Инф1: У нас в школе девочка была, несколько лет жила в Германии. Приехала сейчас и очень хорошо разговаривала по-немецки, и старалась это всем показать. И я тоже так немножко научилась и не хуже почти что ее разговаривала. В шко-

ле я могла. Ну, я немножко картавлю, и мне это *r* было легко проглатывать. А сестра всегда злилась, если я начинала на немецком ⁴⁸ что-то так рассказывать, все *r* проглатывала. **Соб:** Почему она злилась? **Инф1:** Она просто говорит, что я притворяюсь. **Инф2:** Не то что притворяешься... **Инф1:** Выделяюсь или как... (Инф1 – ж., 1989 г. р., Солнцевка; Инф2 – ж., 1990 г. р., Солнцевка)

Своеобразие местного варианта литературного немецкого языка стало осознаваться сообществом одновременно с процессом разделения меннонитов на две группы: переселившихся в Германию и оставшихся в России. В этой ситуации есть некоторая тенденция воспринимать себя как отдельную группу, отличную и от коренных немцев, и от российских немцев – переселенцев, которая имеет право на свой, отличный от «германского» язык.

*Вот у нас так. Мы смягчаем у себя. Мы *ai* не говорим. ... Мы просто не в Германии живем – что мы там будем подражать!* (ж., 1989 г. р., Солнцевка).

Местный вариант литературного немецкого языка, таким образом, мог бы получить символическое значение как маркер группы (немцев, живущих в России). Сегодня это, однако, мало вероятно прежде всего потому, что его активных носителей в описываемом сообществе довольно мало. Остается все меньше возможностей использовать этот языковой вариант во внутригрупповом общении. Что касается его использования в общении с переселенцами и их потомками (набирающая значение функция литературного немецкого в рассматриваемом сообществе), не ясно, будут при этом сохраняться в речи местные особенности или говорящие будут стремиться приблизить свою речь к речи собеседника. Не ясно также, сохранится ли в этих условиях восприятие местного варианта как отличного от «германского», «нашего» языка. Развитию символической функции этого варианта как языка немцев России, противопоставленного «германскому» языку», препятствует также то, что он принадлежит не российским немцам в целом, а конкретной группе, российским меннонитам, у которых уже есть устойчивый маркер групповой принадлежности – диалект *Plautdietsch* (хотя он пока и не акцентирует противопоставление «наш» – «германский»).

5. ВЫВОДЫ

В деревнях меннонитов Омской области литературный немецкий язык использовался в первой трети XX в. в общественной (церковь, школа, администрация) и – в части сообщества – приватной (семейное общение) сферах. Сегодня этот язык употребляется в ограниченном объеме как язык церкви; преимущественной же сферой его использования является устное бытовое общение (в тех семьях, где он традиционно был семейным языком, а также в общении с гостями из Германии, в том числе детьми переселенцев, не владеющими диалектом и русским языком). Привычное его именование («литературный язык») не соответствует тому, что сегодня реализуемый в сообществе языковой вариант как по своим структурным особенностям (частые редукции, широкое включение в речь диалектных элементов и т. д.), так и по функциональной нагрузке может быть определен как обиходная речь.

Описываемый языковой вариант обладает рядом устойчивых фонетических признаков (реализация дифтонгов *ai* и *au* как *ei* и *oi*, реализация *ö* как *e* и *oi*, переднеязычный *r*, не подверженный вокализации ни в каких позициях), которые, за исключением отсутствия вокализации *r* (источник чего не вполне ясен), являются результатом диалектного влияния. По своему статусу в описываемом варианте они отличаются от имеющих место множественных окказиональных перенесений того или иного фонетического признака с диалектной единицы на соответствующую единицу литературного

⁴⁸ В семье информантки домашним языком служит литературный немецкий язык.

языка. В случае окказионального переноса специфический признак всегда наличествует в непосредственном диалектном аналоге слова, в то время как в первом случае он не обязательно обнаруживается в диалектном соответствии и принадлежит, таким образом, уже системе описываемого варианта литературного языка. В отличие от «окказиональных» диалектных влияний эти особенности характеризуются гораздо большей частотностью и регулярностью, но также проявляют заметную вариативность реализации и могут произноситься и в близком к стандартному варианте. Влияние нижненемецкого диалекта обнаруживается также в калькировании некоторых диалектных конструкций и – в определенных случаях – в вариативности артиклей и окончаний имен (в других случаях эта вариативность может быть не связана напрямую с влиянием диалекта). Характерной особенностью описываемого варианта является также регулярное включение в речь определенных диалектных элементов (прежде всего служебных слов – союзов и предлогов). Влияние русского языка у активных носителей литературного немецкого не затрагивает уровень фонетики, а выражается прежде всего в калькировании русских конструкций.

Оценка литературного немецкого языка с точки зрения его субъективной близости носителю в описываемом языковом сообществе различна: часть сообщества (как правило, те члены, которые обладают высокой компетенцией) определяют его как «свой», «близкий» язык, другие же – как периферийный и «чужой». Для тех и других, однако, он является несотъемлемой составляющей локального языкового ландшафта, что прежде всего связано с важной ролью в сообществе меннонитов религиозных практик, одной из традиционных сфер использования этого языкового варианта.

Контакт с современным немецким языком Германии, ставший возможным в последние два десятилетия, привел к тому, что сообщество стало осознавать свой вариант литературного немецкого языка как специфический. Возникло противопоставление местного варианта («наш») и «германского», занимающее сегодня центральное место в представлениях сообщества об описываемом языковом варианте. Некоторые из отмеченных выше особенностей получили в сообществе статус маркеров местного варианта: реализация дифтонга *ai*, специфика произнесения *r*. Эти признаки (чаще дифтонг) могут сознательно варьироваться говорящими при стремлении представить свою речь близкой к стандарту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Девкин 1979 – В.Д. Девкин. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. М., 1979.
- Домашнев 1990 – А.И. Домашнев. Концепция национального варианта языка в трудах академика Г.В. Степанова // *Res Philologica*. Филологические исследования: Памяти академика Георгия Владимировича Степанова. М., 1990.
- Жирмунский 1965 – В.М. Жирмунский. История немецкого языка. М., 1965.
- Жирмунский 1976 – В.М. Жирмунский. Проблемы переселенческой диалектологии // *Общее и германское языкознание*. Л., 1976. Жирмунский 1976 – В.М. Жирмунский. Проблемы переселенческой диалектологии // *Общее и германское языкознание*. Л., 1976.
- Ипатов 1978 – А.Н. Ипатов. Меннониты: Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности. М., 1978.
- Москалюк 2003 – Л.И. Москалюк. Место литературного немецкого языка в системе языковых форм немецкого национального меньшинства // *Вестник СПбГУ*. 2003. Сер. 2. Вып. 1.
- Найдич 2003 – Л.Э. Найдич. Об особенностях консонантизма в нижненемецком островном диалекте меннонитов. Синхрония и диахрония // *Acta linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований. СПб., 2003. Т. 1. Ч. 1.
- Соколовский 1996 – С.В. Соколовский. Меннониты Алтая: история, демография, ономастика. М., 1996.
- Auer 1990 – P. Auer. *Phonologie der Alltagssprache: Eine Untersuchung zur Standard / Dialekt-Variation am Beispiel der Konstanzer Stadtsprache*. Berlin; New York, 1990.
- Berend 1998 – N. Berend. *Sprachliche Anpassung. Eine soziolinguistisch-dialektologische Untersuchung zum Russlanddeutschen*. Tübingen, 1998.

- Berend, Jedig 1991 – *N. Berend, H. Jedig*. Deutsche Mundarten in der Sowjetunion. Geschichte der Forschung und Bibliographie. Marburg, 1991.
- Jedig 1966 – *H. Jedig*. Laut- und Formenbestand der niederdeutschen Mundart des Altai-Gebiets. Berlin, 1966.
- Moelleken 1996 – *W.W. Moelleken*. Aus dem Leben niederdeutscher Mennoniten. Marburg, 1996.
- Muysken 2000 – *P. Muysken*. Bilingual speech: A typology of code-mixing. Cambridge, 2000.
- Nieuweboer 1998 – *R. Nieuweboer*. The Altai dialect of Plautdiitsch (West-Siberian Mennonite Low German). Diss. Groningen, 1998.
- Ström 1928 – *A. Ström*. Deutschunterricht in mundartlicher Umgebung. Charkov, 1928.

СЛОВАРИ

- СУ 1935–1940 – Толковый словарь русского языка. Т. 1–4 / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940.
- Kluge 1967 – *F. Kluge*. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 1967.
- MLGD 2003 – *J. Thiessen*. Mennonite Low German dictionary. Madison, 2003.

Сведения об авторе:

Ирина Алексеевна Бахмутова
Европейский университет в Санкт-Петербурге (ЕУСПб)
ibakhmutova@eu.spb.ru